

63.3(2Рос.Х2К)
А-28

к/х

Ада чир-суу

О
Т
Е
Ч
Е
С
Т
В
О

Краеведческий альманах

Выпуск 1

Министерство культуры Республики Хакасия

63.3 (2Рос.Хак)
А-28

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Хакасия
«Национальная библиотека имени Н.Г. Доможакова»

Ада чир-суу – Отечество

краеведческий альманах

Выпуск 1

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

Абакан
2011

Игорь КЫЗЛАСОВ

**ОПЫТ Л.Р. КЫЗЛАСОВА
В ОТЫСКАНИИ И ИЗУЧЕНИИ ГОРОДОВ СРЕДИННОЙ АЗИИ**

Полевое изучение мертвых городов – весьма крупных объектов особой сложности, вне всякого сомнения, требует от археолога глубоко осознанных действий, прежде всего – вычленения первостепенных задач, разрешаемых раскопками. Однако в тех землях, которым обыденное сознание отказывает в древней и средневековой цивилизованности, постановке подобных вопросов предшествует еще и разработка особой стратегии поиска городских руин, подчас незамечаемых предшественниками и коллегами, исходящими из иных изыскательских установок.

Для уяснения обеих позиций полезен полевой опыт Л.Р. Кызласова, сумевшего внести много нового в городскую археологию Срединной Азии как на давно освоенных этой дисциплиной территориях, так и на совершенно новых для нее пространствах. Истоки городской цивилизации были обнаружены исследователем в эпохах, до того для урбанистов неведомых (Кызласов Л.Р., 2006).

Излагать ход этих исследований можно было, исходя из хронологии памятников, однако задачи статьи побуждают сохранить реальную последовательность научных поисков. В этом проступает осознанность и обоснованность изысканий, в том числе – этапы накопления и применения личного полевого и аналитического опыта. Неслучайно и последняя прижизненная монография

Л.Р. Кызласова была посвящена городской цивилизации Срединной и Северной Азии.

1. Особенности изучения городища Ак-Бешим.

В начале 1950 годов АН СССР ставит задачу изучения этно- и культурогенеза киргизского народа и истории Киргизии. Перед учеными, прежде всего, встает необходимость выявления основных этапов этого весьма сложного и малоизученного тогда и поныне исторического процесса. Основной археологический отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции возглавляет 29-летний преподаватель кафедры археологии МГУ, к 1953 году имеющий опыт 4 лет войны и по столько же лет студенчества и самостоятельной археологической работы в межгорных долинах Тувы и Хакасии да степях Центрального Казахстана [Архипов, 1999, с. 77], – т.е. в тех землях, которые воспринимались извечным царством кочевой стихии и регионом курганной археологии. В 1949 году им было защищено дипломное сочинение о раннесредневековых тюрках Алтая, в археологической части построенное, разумеется, на курганных древностях. Лишь в 1946 году, еще на студенческой практике, Л.Р. Кызласов руководит раскопом, вскрывшим части глинобитных стен квартального межевания гунского города на р. Ташебе, изучавшегося В.П. Левашевой, С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой

[Кызласов, 2001а, с. 7, 17, 115; 2006, с. 162; Архипов, 1999, с. 77].

Как же строится в Киргизии археологическая работа, если заранее известно, что для нее отводится лишь два полевых сезона? Отряд направляется не на Тянь-Шань, и поныне малоизученный, хотя там, вне всяких сомнений, можно встретить изобилие курганных памятников кочевых культур разных исторических эпох, включая и те, которые окажутся прямо связаны с культурной и этнической историей киргизского народа. Знакомство с ними будет непременно осуществлено знающим саяно-алтайские древности Л.Р. Кызласовым ради выяснения достоверности обсуждавшихся в литературе гипотетических этногенетических связей киргизов с древними насельниками Енисея, но это полевое исследование, проведенное при учете имеющихся музейных собраний, будет основано на изучении внешних особенностей памятников и станет проводиться только в ходе маршрутных, а не раскопочных работ, обнаружит полное несоответствие южносибирских и тянь-шаньских раннесредневековых древностей и приведет археолога к закономерному отказу от миграционной сибирской гипотезы происхождения киргизского народа [Кызласов, 1959а; 1959б].

Характер археологических работ в Киргизии определит не предшествующий личный полевой опыт исследователя, а стоящая перед ним научная задача. В 1953 году археологический отряд Л.Р. Кызласова направится в Семиречье, в долину р. Чу, и получит наименование Чуйского. Археолог избирает ключевую для хода местной истории долину на основании предварительного изучения письменных источников и историографии, от начала исследований в конце XIX века до трудов археологов-

современников: В.В. Бартольда, М.Е. Массона, А.И. Тереножкина, А.Н. Бернштама и П.Н. Кожемяко. Изначальную направленность изысканий на городские объекты обнаруживает предварительная подготовленность исследователя, сразу же проявленная на деле: знание особенностей городской археологии не только Семиречья, но и всей Средней Азии, прежде всего согдийской, способность определять культурную и хронологическую принадлежность разнохарактерных керамических, монетных и иных находок.

Для раскопок избирается Ак-Бешим – самое крупное городище Чуйской долины (площадь шахристана 35, а рабата – свыше 60 га), в то время считавшееся развалинами великолепной караханидской столицы Баласагуна. Впервые на этом величественном памятнике разворачивается широкое археологическое исследование. За два сезона 1953 и 1954 годов были разрешены основные вопросы, связанные с городищем, и разрешены настолько удачно и основательно, что последующие раскопки (Л.П. Зяблина – 1955–1958 гг. и Г.Л. Семёнова и К.И. Ташбаевой – 1996–1997 гг.) лишь дополнили, но не изменили полученную картину.

Стремясь выявить основные проблемы истории средневекового города, Чуйский отряд не тронул хорошо заметной цитадели Ак-Бешима. Вместо этого на шахристане были заложены и полностью пройдены (на глубину 8,5 м) два небольших по площади стратиграфических раскопа (объект II, раскопы 1 и 2), надежно определившие время сложения и жизни городского ядра – между V и X веками. Тем самым было археологическими фактами установлено, что городище Ак-Бешим не может быть руинами Баласагуна – города, согласно письменным

свидетельствам, существовавшего с XI до XIV века.

Какой иной раннесредневековый город мог оставить столь внушительные развалины? Для понимания этого требовалось установить основные культурные особенности города и состав его населения. Объекты, способные пролить свет на наиболее значимые черты давно минувшей жизни, следовало избрать из огромного числа холмов, изобильно покрывавших обширную площадь городища. Почему были выбраны именно те четыре бугра, которые в 1953 и 1954 годы подверглись тщательным раскопкам и в результате принесли ответы на все поставленные вопросы?

Поиски велись за пределами шахристана – предварительное знакомство с особенностями раскопок раннесредневековых городов Средней Азии в целом укрепило начальника Чуйского отряда в мысли, что в плотной и многоярусной городской застройке здесь за два полевых сезона не удастся добыть нужных культурных характеристик. Все раскопанные отрядом объекты были избраны за пределами городских крепостных стен Ак-Бешима и располагались изолированно, что позволяло провести цельное их исследование (рис. 1).

Объекты I и IV до начала работ имели рельеф, указывающий на обширные внутренние дворы и возвышенные части связанных с ними крупных сооружений. Эти особенности живо напомнили Л.Р. Кызласову знакомые по публикациям раскопанные к тому времени пенджикентские храмы, тем самым позволили определить культовое назначение разрушившихся и оваловавшихся построек. В результате Чуйским отрядом были впервые обнаружены и археологически изучены на землях Средней Азии ранний буддийский храм и несторианская церковь. Внешность

двух других небольших бугров Ак-Бешима несли признаки погребальных сооружений: объект III также открыл науке до того неизвестную категорию памятников – манихейское кладбище, а объект V, как поначалу казалось, – остатки согдийской жилой замковой башни, восстановленной по характерному архитектурному декору, а в дальнейшем определенной автором работ как погребальная дахма, выстроенная в стиле жилой башни [Кызласов, 1957; 1958; 1959в; 2006, с. 219-350; 2008; Кызласов, Смирнова, Щербак, 1958].

При раскопках буддийского храма Л.Р. Кызласовым была разработана методика раскопок с проходящими через постройку стратиграфическими экранами, до того в Средней Азии не применявшаяся, ныне же принятая повсеместно. Она позволила детально проследить все четыре этапа жизни сооружения и производившиеся в нем перестройки, тем самым прояснив первоначальный облик храма и создав условия для реконструкции его внешних особенностей. По культовым остаткам определив сооружение ак-бешимского храма в честь будды Мартрейи, исследователь сумел по архитектурным особенностям и сделанным археологическим находкам установить согдийскую принадлежность его строителей и указать весьма узкую дату его сооружения: самый конец VII – начало VIII веков.

В дальнейшем именно полученные при раскопках храма результаты привели к определению имени раннесредневекового города, скрытого под развалинами Ак-Бешима. Им оказалась столица Западного Тюркского каганата – город Суяб. Археологически установленная датировка храма через 40 лет после его раскопок получила полное подтверждение при анализе танских письменных документов: объект I оказался развалинами

монастыря Да Юнь, построенного в честь Мартрейи между 692 и 705 годами.

В последней прижизненной книге Л.Р. Кызласов по расположению раскопанных им в Ак-Бешиме объектов впервые установил существование в раннесредневековых городах Средней Азии особых сакральных зон, закрепленных вне городского центра за каждой из исповедовавшихся жителями мировых религий того времени. Юг оказался связан с буддизмом, восток – с христианством, запад – с манихейством, а север – с зороастризмом (рис. 1) [2006, с. 343-346; 2008, с. 45-48].

2. Открытие монгольских городов в Туве

На третий полевой сезон, в 1955 году, археологический отряд Киргизской комплексной экспедиции становится Тувинским – приобретенный в Средней Азии опыт изучения городов незамедлительно переносится Л.Р. Кызласовым в Южную Сибирь. Организационно исследование обеспечиваются и созданием на кафедре МГУ Тувинской археологической экспедиции. Целенаправленные обширные разведки привели к обнаружению в Тувинской котловине двух поселений и шести монгольских городов XIII-XIV веков, раскопки которых были начаты уже на следующий год. Они продолжались пять лет: в 1956–1958, 1960 и 1962 годах. [Архипов, 1999, с. 78, 79; Кызласов, 1959; 1963; 1964а, с. 84–92; 1965; 1969, с. 11, 12, 130-171; 1975; 2002].

Исследованию вновь помогло детальное изучение работ предшественников и студенческое участие в поездках С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. Не отмеченное в сохранившихся полевых записях А.В. Адрианова пребывание на городище Дён-Терек в 1915 году было установлено по давней газетной статье ученого (переизданной в «Из-

вестиях Археологической комиссии» без подписи) и уцелевшему в его архиве в ЛО ИА АН СССР беспаспортному фотоснимку кровельной черепицы. Посещение того же памятника С.А. Теплоуховым в 1926 году документировалось упоминанием в его рукописном дневнике и хранящейся в Гос. Эрмитаже небольшой коллекцией подъемного материала. До того эти факты оставались неизвестными – С.В. Киселеву и Л.А. Евтюховой в 1947 году Дён-Терек был указан местными крестьянами. Никто из сибиреведов не увидел здесь города, осмотру подвергались руины единственного здания на краю памятника – место добычи селами древнего обожженного кирпича. Исследователи сочли их руинами поздней монастырской постройки.

Работы 1956 года показали, что городище Дён-Терек было развалинами одного из древнейших монгольских городов, существовавшего в первой половине XIII века и занимавшего среди проток реки Элегеста три соседних острова. Площадь памятника составила около 30 га, он протянулся на 1200 м и сохранил следы 120 зданий. Как и прочие монгольские города XIII-XIV веков, этот не имел укреплений (рис. 2), что создавало понятные трудности для археологического поиска.

Однако, воспринимая такую культурную особенность как отличительный признак объектов, Л.Р. Кызласов учел своеобразие ландшафтного размещения отрезанного водотоками первого памятника и, обследуя подобные ограниченные излучинами рек поляны левобережья Улуг-Хема – наиболее плодородной части Тувинской котловины, сумел отыскать руины прочих монгольских городов: Оймакского, Межегейского, Могойского, Элегестского и Эртине-Булакского. Постройки в них были наземными и

по прошествии столетий выделялись легкими всхолмлениями развалов стен или насыпных платформ.

Делу, разумеется, помогал опрос населения, способствовала и старая литература – в ней отыскивались упоминания о характерных древностях, встреченных путешественниками в местах с подходящим ландшафтом. Речь идет о погребальной скульптуре, некогда стоявшей аллеей у могилы и ныне указывавшей на городские грунтовые кладбища, характерные для монгольской культуры этой эпохи. Первоначально таким образом был отыскан могильник в 1–1,5 км от городища Дён-Терек (урочище Базырт-Даш): рассказы жителей в дальнейшем подтвердились обнаруженными в архиве А.В. Адрианова в Томском университете указаниями на фотоснимки двух каменных львов, сделанные в 1915 году, а также фотографиями и описаниями, помещенными в публикации И.Г. Гренз за 1907 год. До 1956 года изваяния не уцелели, но подобные находки были сделаны Тувинской экспедицией по упоминанию И.Г. Гренз в другой долине – в урочище Чурумал. Кладбище относилось к открытому благодаря нему городищу Оймак – правильно выделенные поисковые признаки древнемонгольских городов привели к закономерному успеху. Вероятные следы еще одного монгольского кладбища – две скульптуры сидящих львов – были отмечены под горой Хайыракан в урочище Эль-Бажи на Енисее по давним литературным (А.Ф. Кон, 1903) и архивным (фото А.В. Адрианова, 1916) с привлечением хранящихся в Минусинске эпиграфических находок.

Полученный на Ак-Бешиме навык обследования широкой округи городищ позволил обнаружить не только близлежащие к Дён-Тереку города на р. Элегест или их город-

ские кладбища (включая курганный могильник на Межегее и мусульманский с мавзолеем в Эртине-Булаке), но и каменноугольные шахты XIII–XIV веков (известные геологам) и остатки земледельческого хутора близ д. Сосновка. На площади городища Оймак до раскопок были отысканы части нескольких каменных буддийских скульптур, указавшие на бывший здесь религиозный центр, и постамент в виде черепахи для стелы с высеченным официальным указом – несомненное свидетельство высокого административного статуса бывшего здесь монгольского города.

За все годы работы в Туве экспедиция Л.Р. Кызласова редко превышала 5–6 человек студентов-археологов, что, естественно, постоянно требовало от исследователя четкого отбора первостепенных задач, разрешаемых раскопками в сжатые сроки и минимальными усилиями.

Введение в науку новой категории памятников Южной Сибири, меняющей устоявшиеся представления о важнейшей средневековой эпохе в истории Евразии, требовало прочных обоснований. Тувинской экспедицией раскопки велись на большинстве древнемонгольских памятников: на Дён-Тереке, Оймаке, Эртине-Булакском и Межегейском городищах. На трех первых изучалось по одному рядовому жилищу или полной усадьбе, подчиненных общему архитектурному канону каркасного строительства и снабженных отапливаемыми лежанками-канами. Этим было выявлено культурное единство и принадлежность поселений. Полученные материалы оказались эталонными – последующие исследования археологов-медиевистов показали, что именно такие дома отличают монгольские города на всем пространстве былого евразийского государства: от Молдавии до Восточной

Сибири. Тем самым опровергается расхожее мнение, что города монголам строили захваченные ими чужеземные ремесленники, а не собственные строители.

Следом за объектами массового облика на площади открытых городов Л.Р. Кызласовым раскапывались всхолмления нетипичных форм, образовавшиеся, как оказалось, от разрушения богатых двухкамерных жилищ, домов с мастерской (Дён-Терек), производственными остатками (скоплением металлургического шлака и кокса – Дён-Терек), административных зданий (Дён-Терек, Оймак), дворцовых построек (Дён-Терек). На Межегейском городище по проступавшим планиграфическим особенностям был опознан и раскопан буддийский храм, при въезде на памятник уцелела буддийская ступа. Столь различные по назначению объекты дали конкретный и богатый материал по истории монгольского строительного дела, архитектуры, художественного оформления зданий и их интерьеров. В области городской культуры выяснились не только самобытные монгольские черты, но и плодотворное воздействие различных традиций центральноазиатского и дальневосточного зодчества.

Раскопками прослеживались и основы городской планировки, в частности размещение рядовых построек в окружении административных зданий (Дён-Терек). На эти же вопросы отвечали и общие топографические планы, снятые на каждом открытом памятнике (рис. 3).

Успехи полевой работы, как известно, не приводят сами собою к прочному их пониманию. Подобно ситуации с городищем Ак-Бешим, под воздействием историографии первоначально воспринимавшимся руинами города Баласагуна и затем в результате

добытых археологических данных получившего другое историческое истолкование, осмысление открытых в Тувинской котловине городов прошло два этапа. Первоначально, по результатам трех сезонов работ на Дён-Тереке и Оймаке (1956–1958), эти городские памятники и культурно связанные с ними иные объекты (буддийская ниша в урочище Чурумал, мусульманское кладбище на Хемчике) были определены как киданьские (кара-китайские) и датированы концом XII – началом XIII веков [Кызласов, 1959, с. 75-80]. Автор, с одной стороны, следовал утверждениям предшествующей исследовательской литературы (прежде всего В.В. Бартольд), утверждавшей (как выяснилось, ошибочно), что территория Тувы в XI–XII веках входила в киданьскую империю Ляо. С другой стороны, к этому побуждали и полученные археологические данные, т.к. на памятниках были обнаружены характерные сунские монеты и посуда, монеты чжурчжэньского государства Цзинь и отсутствовали юаньские и южносунские изделия, а каркасные сооружения на платформах характерны именно для дальневосточного домостроительства. Датировку и культурное определение памятников принял С.В. Киселев [Киселев, 1958, с. 107, 109]. В этом нет ничего удивительного, поскольку материальную культуру ранних монгольских городов в то время археологи еще не знали. Работы в Дён-Тереке помогли выделению ранних слоев Кара-Корума.

Последующее углубленное изучение источников, относящихся как к истории киданей, никогда Южной Сибирью не обладавших, так и монголов, распространивших власть на Саяно-Алтай уже к 1207 году, привели к правильному историческому определению объектов. Этому весьма способствовало наращение археологических

данных: выяснившееся вхождение Тувы вплоть до монгольского нашествия в Древнехакасское государство, отсутствие городских стен во всех случаях, особенности культуры, полученные при раскопках Межегейского городища уже в 1960 году. Как видим, и в этом случае ясно проступает самостоятельное значение археологических источников, вызывающих новый взгляд на ход исторических событий и заменяющие благодаря этому историографические позиции, выстроенные без материалов нашей науки.

Установленное Л.Р. Кызласовым расположение древнемонгольских городов Тувинской котловины двумя районами было сопоставлено с административным устройством этих земель при монгольском владычестве, учредившем два округа: Кяньчжоу (Енисейский округ) и Иланьчжоу (Змеинный округ). Центром одного из них оказался город в местности Оймак, второго – в местности Дён-Терек, а затем сменивший его город, ставший Межегейским городищем.

Раскопки древнемонгольских городов показали основы их хозяйства, имевшего оседлую земледельческо-скотоводческую, рудно-металлургическую, ремесленную и торговую основу. Обо всем этом свидетельствовал и выявленный многонациональный состав городского населения: монголов, китайцев, тюркоязычных обитателей Тувы, древних уйгуров и хакасов. Указывающие на многоплеменность горожан характерные находки, полученные при изучении жилищ, были дополнены раскопками погребений городских могильников: женского монгольского кенотафа близ Оймака, двух курганных древнехакасских погребений у Межегейского городища. Кладбище Эртине-Булакского городища, состоявшее из распанного мавзолея и частично изученных

мусульманских могил, указало на пребывание здесь среднеазиатской колонии.

3. Открытие и изучение городов Уйгурского каганата

В 1957–1958 и 1960 годах одновременно с исследованием монгольских городов, Л.Р. Кызласовым в Туве было проведено и основное изучение городов древних уйгуров.

В 1947 году во время маршрутных работ в составе отряда С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой студент-археолог впервые познакомился с двумя уйгурскими крепостями и тремя вновь открытыми такими памятниками. Маститые сибиреведы посчитали их поздними. Принадлежность городов к Уйгурскому каганату (745–840) была установлена десятилетие спустя самим Л.Р. Кызласовым [Кызласов, 1959, с. 66–75; 1964а, с. 66–78; 1964б; 1969, с. 56–87; 1979, с. 145–158; 1981; Архипов, 1999, с. 78].

Начиная работы, исследователь вновь, прежде всего, ознакомился с опытом археологического изучения края учеными-предшественниками. Публикации свидетельствовали, что 4–5 таких городов в 1883, 1887 и 1891 годах были обследованы Д.А. Клеменцем. Изучение архива С.А. Теплоухова за 1927 год не выявило никаких записей, но привело к обнаружению обособленного листа с чертежом одной из крепостей (в дальнейшем названной III Шагонарским городищем). Оба специалиста также посчитали крепости поздними и раскопок в них не проводили. Тем самым, к 1956 году существовали те или иные сведения о 7–8 городских памятниках, время создания и характер которых оставался неведом.

За сезоны 1956–1958 годов было выявлено и обследовано 12 подобных крепостей. На пяти из них были проведены археологические работы разной сложности. Съемка

планов пяти памятников выявила их принадлежность к одной культурной традиции (рис. 4): квадрат высоких стен (ущелевших на 2,5–2,8 м), точно ориентированный по сторонам света, прорезался проемами ворот с севера и востока, реже – с запада и востока, однажды только с запада.

Установлению уйгурской самобытности помогло предшествующее близкое знакомство исследователя со среднеазиатскими торткулями. Обследование большой серии выделило и особенную топографию уйгурских крепостей – обычно для них выбирались низкие, хорошо защищенные водою места: поймы рек, острова, затопляемые луговины. Наполненные водою рвы сопровождали стены городов и полевые фортификации. Вал, уходящий в обе стороны от I Шагонарского городища, имел такой ров, протянувшийся на 3,3 км. Он соединял Енисей с р. Шагонарчик.

Крепости были поставлены в Туве по общему стратегическому плану, оказались соединены глинобитной Долгой стеной (длиною более 230 км) или прикрыты ею. Помимо того, они были вынесены за ее черту на сходящие с Западного Саяна конные тропы, т.е. составили единую с этой стеной систему обороны северной границы Уйгурского каганата против враждебного ему Древнехакасского государства (рис. 4, Е). Природные условия обнесенных фортификацией земель показали, что уйгурская власть прежде всего защищала наиболее хлебодородные районы Тувинской котловины. Поняв эти закономерности размещения городищ и их назначение, Л.Р. Кызласов смог отыскать новые памятники, пополняя их перечень при каждой поездке в Туву: количество открытых и обследованных им древнеуйгурских укреплений к 1964 году достигло 15, а к 1977 году составило уже 17.

Выяснилось, что первый город – опора проникновения уйгуров в новую страну – ставился по пересечению ее границы и служил защитой прибывавшим из метрополии войскам. Такова крепость Бажын-Алак, расположенная близ уйгурской тогда Монголии, на лучшем пути через хребты Танну-Ола после спуска в Тувинскую котловину. Площадка внутри стен была занята длинными строениями, разделенными частокотлами на отсеки – возможно, казармами. После выделения основных признаков уйгурской фортификации второй подобно расположенный форпост был узан Л.Р. Кызласовым по единственному описанию П.С. Палласа. Он оказался заложен при проникновении в Хакасию, уже к северу от Саян (у с. Шушенского), по выходу в степь Енисей, служившего наиболее удобной зимней дорогой сквозь таежные хребты. Периметр этого ныне несохранившегося городища достигал 800 м. Других крепостей уйгурам в Хакасии создать, по-видимому, не довелось, пребывание их там оказалось довольно коротким.

В самой Туве исследование памятников раскопками начиналось в 1957 году. Работы были невелики по объему, но разнообразны, проведены на трех крепостях и потому показательны для нашей темы. За тот сезон был собран подъемный материал на площадках городищ, которые в те годы начали распахиваться, произведена шурфовка внутренней части I Шагонарского городища и разрез его стены, зачистка кладки стены III Шагонарского городища и обнажений кладок стен в современных ямах на крепости Бажин-Алак, а также сделаны два разреза через ее валы. Тем самым были не только получены характеристики культурного слоя таких памятников (лежавшего не всюду, но местами достигав-

шего толщины в 30–40 см) и в целом ukazавшие на них как на убежища кочевого населения, но и выявлены все основные особенности техники их фортификационного строительства. Стены I и III Шагонарских городищ оказались глинобитными, а Бажин-Алакского и цитадели III Шагонарского были сложены из сырцового кирпича. Состав его теста и формат (42x20x10, 43x23x10 см) оказались знакомы Л.Р. Кызласову по памятникам Средней Азии и определили общую датировку крепостей – VII–IX века. Сузить ее до середины VIII – середины IX и установить культурную принадлежность городищ позволили находки обломков уйгурских станковых сосудов, типологически близких ранне-средневековым так называемым «кыргызским вазам» Хакасии, как и найденным С.В. Киселевым в 1949 году на городище Хара-Балгас в Монголии.

По окончании сезона изучение литературы и архивов позволило Л.Р. Кызласову по этим признакам впервые выделить уйгурские древности не только Тувы, но и Забайкалья (по публикациям раскопок Ю.Д. Талько-Грынцевича и документам Г.П. Сосновского в архиве ЛО ИА АН СССР) и Монголии (по описаниям Д.А. Клеменца). Тогда же свидетельства С.У. Ремезова (1701) и Д.А. Клеменца (1891) привели к определению древнеуйгурской принадлежности и островной крепости на оз. Тере-Холь в Восточной Туве. Надо сказать, что именно Д.А. Клеменц, снявший план городища Пор-Бажин, указал на его близкое сходство с формой руин Хара-Балгаса на Орхоне.

В 1957 году были раскопаны и остатки одного из наземных жилищ на городище Бажин-Алак. Открыт фундамент стен из плитняка и очаг на глинобитном полу. Столбовая постройка, крытая черепицей с

дисками, оформленными в стиле танской эпохи, изучена на совершенно ровной площади цитадели III Шагонарского городища в 1959 году. Раскоп к юго-востоку от городского замка не выявил остатков строений. В 1960 году раскопки в цитадели продолжались. Выяснилось, что здания каркасной конструкции из-за близкого расположения грунтовых вод в речной пойме стояли здесь на столбах-сваях и имели глиняную обмазку стен. Новые подтверждения черепичной кровли этих строений указывали на высокий социальный статус их обитателей.

Раскоп позволил расчистить и внутреннюю поверхность стены цитадели, дополнив характеристики применявшегося сырцового кирпича и особый характер его кладки, при которой один ряд ложка сменялся 2–3 рядами тычка. Дополнительный шурф снаружи установил традицию выводить поверхность стен наклонно, с равномерным сужением кверху. Оба признака в дальнейшем оказались показательными для сырцовых строений Южной Сибири уйгурской эпохи – те же приемы строительства были отмечены в 1970 годах Л.Р. Кызласовым при раскопках ранних манихейских храмов Хакасии. То же можно сказать и о своеобразной столбовой конструкции въездных ворот, раскопанных во внешней восточной стене крепости в 1960 году (результаты были сразу же сопоставлены со сходными данными В.Л. Котвича, полученными в 1912 году при раскопках Орду-Балыка на Орхоне). Помимо этого, была изучена северная привратная башня городища. Внешние укрепления оказались не кирпичными, а глинобитными, первоначальная высота стен восстанавливается до 6 м, башен – до 7 м, глубина рва достигала примерно 3 м.

Ради комплексного изучения культуры Уйгурского каганата на прибрежной террасе

были отысканы обнаруженные в 1927 году С.А. Теплоуховым два ближайших к Шагонарским крепостям могильника Чааты I и II, отличавшиеся от иных средневековых захоронений Тувинской котловины низкими чисто земляными насыпями и погребальным обрядом. Судя по изученному рукописному отчету, Сергей Александрович раскопал 11 курганов и не пытался дать им этнического и культурного определения. Не связывал он могильники и с соседними крепостями. Л.Р. Кызласовым в 1958–1960 годах были раскопаны еще 25 курганов. Для них оказались характерны катакомбы, редко – обычные ямы, содержавшие труположения, ориентированные головами преимущественно на север. Однокультурные находки показали, что так были погребены жители III Шагонарского городища.

Благодаря описанным работам, Л.Р. Кызласов оказался первооткрывателем археологической культуры уйгуров времен каганата. Поньше она остается изученной практически только на территории Тувы, и исследования последующих десятилетий не добавили ничего принципиально нового к той характеристике, которая была получена Тувинской экспедицией МГУ в конце 1950 годов.

Остается сказать, что для возможно полного осмысления уйгурских городов Л.Р. Кызласовым был произведен свод касающихся предмета письменных данных и составлен цельный исторический очерк Тувы в период владения ею Уйгурским каганатом. Орхонские рунические надписи внесли необходимый штрих в объяснение ряда историко-архитектурных особенностей городищ – для их строительства в середине VIII века каганская власть привлекала согдийских зодчих и ремесленников. Вполне вероятно, что снабженное цитаделью III Шагонарское городище, стоящее внутри

огороженного Долгой стеной пространства и входящее в куст близкорасположенных иных уйгурских крепостей, представляет собою руины первоначальной ставки захватчика Тувы кагана Баян-чора (Моюн-чур), а затем – оставленного им наместника-тутука.

4. Открытие и изучение древнехакасских городов на Среднем Енисее.

Открытие древнехакасских городов предшествовал тщательный сбор многочисленных их упоминаний в раннесредневековых арабских и персидских источниках. Хотя поиски начались уже в 1958–1959 годах с обследования крупных горных крепостей Хакасии (Оглахтинской, длина каменных стен 25 км; Барбаковской («Белый город» русских документов XVII века), длина стен 4 км, и т.п.), однако обнаружить археологические следы этих городов долго не удавалось. Как выяснилось в дальнейшем, причины этого заключались в том, что они, вопреки восточным описаниям, не имели укреплений, состояли из наземных деревянных построек и частью были в наши дни распаханы, частью – застроены современными поселениями. Два древнехакасских города VII–XIII веков, известные ныне, были открыты Л.Р. Кызласовым в 1971 и 1973 годах по руинам их сложенных из сырцового кирпича храмов. К этому привело осмысление совокупности источников, позволившее выделить в Хакасии места, которые в раннее средневековье имели особое значение в культовом и административном отношении.

На этот раз раскопки проводились непрерывно в течение 10 лет, с 1972 по 1981 годы [Архипов, 1999, с. 79, 80], и большими силами – Л.Р. Кызласов проводил ежегодную практику студентов-первокурсников Исто-

рического факультета МГУ и получал от университета значительные средства для найма местных землекопов, которыми выступали школьники. Число участников работ нередко превышало 100, но студентов-археологов по-прежнему оставалось по 5–6 человек в год.

В малую котловину Сорга ойм, расположенную в Батеневском кряже, экспедицию МГУ привело скопление древнейших сибирских изваяний и одиночно стоящих менгиров, поскольку в 1970–1971 годы раскопками разрешалась задача их датировки и культурной принадлежности. Впервые были выявлены относимые к позднему неолиту культовые комплексы, с которыми эти памятники были изначально связаны [Кызласов, 1986]. Святость долины на протяжении всей последующей древности и средневековья подтверждалась сохранением здесь в неприкосновенности десятков сакральных монументов 5000-летней давности. В поисках последующих культовых объектов экспедицией была проведена полная археологическая разведка местности. В 1971 году был обнаружен отличавшийся необычной конструкцией Большой каменный курган (впоследствии раскопанный и обогативший представления о погребальных обычаях раннего железного века).

Огромный прямоугольный бугор, стоявший в линии домов на Степной улице железнодорожной станции Ербинская, напомнил Л.Р. Кызласову остатки древних среднеазиатских зданий – центр его занимала заваленная современным мусором овальная западина, указывавшая первоначальную конструкцию постройки с большим центральным залом. Сходство подчеркивала фактура стен, имеющих в срезе, где жители добывали глину, горизонтальную слоистость. Пробная зачистка выявила остатки

кладки из сырцовых кирпичей размером 48x24–25–26x11 см. Так были обнаружены руины Ербинского храма, целиком раскопанные в 1972–1973 годах [Кызласов, 1999a].

Выяснилось, что здание было построено на массивной, сложенной из гранитных валунов платформе, размерами 41x32,5 м и высотой 1,5–1,7 м. Края ее были глинобитными, ограниченными по низу опалубкой из бревен. Наружные размеры поставленных выше стен были 37,5x28,5 м, а внутренние – 33x24 м. Они сохранились на высоту до 2 м, первоначально возвышаясь над платформой до 3 м. Изнутри стены были оштукатурены глиной и побелены известью. Сохранившиеся под завалами стен остатки деревянных балок, матиц, брусьев, досок и колонн свидетельствуют, что огромный зал, вероятно, имел пристенные галереи. Вдоль северной и южной стен имелись четыре узких пьедестала, сложенных из кирпичей. Эти суфы, вероятно, служившие для размещения святых, не раз перестраивались. Входов в здание было два, и к ним снаружи вели пологие пандусы. Восточный дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двустворчатые двери, так же, с тамбуром, был устроен и северный вход (шириною 2 м по верху и 1,3 м по низу). На объекте отсутствовали жилые остатки и отопление, что, наравне с особенностями интерьера, указывало на храмовый характер здания. Немногочисленные находки свидетельствовали, что оно было сооружено во второй половине VIII века и продолжало существовать в IX–X века. Храм погиб при пожаре.

Как выглядел средневековый город, отмеченный столь значимым монументальным сооружением, выяснить в те годы не удалось – всю его площадь заняла современная застройка.

Сопоставление формы хакасского названия долины Сорга со свидетельствами рунических памятников привело Л.Р. Кызласова к заключению, что известная битва орхонских тюрок с первым древнехакасским каганом, состоявшаяся зимой 710 года «в черни Сонга», произошла в высокогорном течении реки Сон, севернее места раскопок. Обнаружение манихейского храма позволяло думать, что здесь и ранее размещался один из административных и религиозных центров Древнехакасского государства, потому Барс-каган не случайно решил дать отпор врагу в этих горах.

Котловина Сорга лежит в верховьях бассейна р. Уйбат, знаменитой в археологии крупным княжеским могильником – Уйбатским чаатасом. Вместе с приведенными данными это обстоятельство, несомненно, особо выделяет долину реки в истории Древнехакасского государства. Потому сразу же по завершению раскопок Ербинского храма Л.Р. Кызласов отправился в низовья Уйбата, где недалеко от впадения реки в Абакан им в 1973 году и были найдены руины второго средневекового хакасского города. Он также не имел укреплений и был обнаружен среди ровного распахиваемого поля по двум уцелевшим буграм храмов, возведенных из сырцового кирпича.

Холмы разделяла лента современного шоссе, связывающего столичный Абакан с районным центром – Аскиз, с дороги руины прекрасно просматривались. Невозможно сказать, сколько археологических экспедиций и групп проследовало в Хакасии этим путем за 2,5 века изучения местных древностей. Хорошо помню, как в 1975 году М.П. Грязнов, взглядываясь в расчищенный восточный фасад храмового здания, протянувшегося на 60 м и сохранившего кирпичную кладку высотой от 2,5 до 4 м, удивлен-

но сказал: «Откуда же Вы это взяли, Леонид Романович? Ведь я этой дорогой с 20-го года езжу». Трудно найти более показательный пример того, как много значат для археологического поиска исходные исследовательские позиции. В отношении Южной Сибири у большинства ученых они поныне основаны на убеждении в извечном кочевом быте жителей. Потому до Л.Р. Кызласова монументальных архитектурных сооружений на Среднем Енисее вообще никто не находил.

Раскопки в дельте Уйбата шли в течение 8 сезонов, в 1974–1981 годы. Изучение обоих холмов и их окружи показало, что здесь на протяжении пяти веков существовал крупный городской духовный центр, в котором, сменяя друг друга, действовали не менее одиннадцати манихейских храмов. Большинство их представляло собою монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича, но при строительстве применялись и деревянные конструкции, и пахсовые блоки. Часто использовались формировавшие интерьеры и поддерживавшие кровлю деревянные колонны.

Наиболее крупный бугор (75x52x4 м) скрывал руины трех храмов, сменявшие друг друга на одной точке, начиная с VIII века. Первоначально это было сферическое оштукатуренное строение типа вихары со стенами из тонких прутьев, возведенное в западной части открытого к небу двора (22x22 м). Затем все внутреннее пространство занял колонный зал, плоскую кровлю которого поддерживали 169 мощных деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы. Позднее зал был засыпан и над ним, во втором ярусе, был сооружен квадратный храм, не имевший кровли. Основой храма служило круглое святилище (диаметром 8,8

и высотой 0,75 м), на которое с севера вела лестница в три ступени, посередине же располагался квадратный алебастровый алтарь с низким бортиком, повернутый углами по сторонам света.

В разное время к этим менявшим облик храмам были пристроены еще два небольших сырцовых и четыре деревянных святилища. С южной стороны был сооружен квадратный в плане монастырь, очевидно, разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной стене монастырской половины были оставлены широкие ворота, в которые могла проехать повозка. В результате был создан прямоугольный комплекс, общими размерами 60х30 м, вытянутый с северо-запада на юго-восток. К южному и северному углам здания были пристроены одинаковые высокие восьмигранные сооружения с уплощенным верхом. За счет выступления башен размеры всего комплекса увеличились до 72х37 м.

Самый поздний храм города был воздвигнут в XI веке. Это было отдельное прямоугольное здание (20х16 м) без окон, со входом с востока. Внутри располагался зал площадью 228,5 кв. м, в западной части которого 10 колонн на каменных базах ограничивали квадратное пространство, стороной 7,5 м. По археологическим данным, храм просуществовал до монгольского завоевания Хакасии, по-видимому, до 1293 года. Вместе с ним действовало и пристроенное снаружи деревянное святилище.

Вполне понятно, что при трудоемких и многолетних раскопках на Уйбате основное внимание было уделено храмам. Однако одновременно были изучены округа этих крупных объектов: сбор подъемных материалов выяснил распространение характерной городской керамики в радиусе 3 км от храмовых зданий, а привлеченные к поиску

аэроснимки показали еще большую площадь заселенной территории и, главное, правильную квадратную планировку ее центральной части с протяженностью сторон в один километр. С начала работ были замечены следы средневекового магистрального канала, подводившего к городу воду, затем трасса этого водотока была выявлена геодезической и аэросъемкой. Частично раскапывались участки, примыкавшие к храмам снаружи. У большого бугра раскоп выявил остатки столбовой постройки и существования в городе сооружений, крытых черепицей, у малого выявилось деревянное строение со стенами, поставленными в технике заплота. К северу от храмового участка отдельной траншеей доказано существование усадеб с глинобитными заборами-дувалами. Отдельным раскопом, обнажившим остатки нижнего ряда сырцовой кладки, были подтверждены сведения жителей о былом существовании третьего бугра, к началу работ руины этого средневекового здания были уже уничтожены при выравнивании поля.

Невиданное разнообразие раскопанных на Уйбате храмов потребовало многолетних поисков историко-архитектурного свойства. Наибольшее внимание уделялось культовому зодчеству манихейства. На быстрое распространение этой религии в южно-сибирских пределах указывала лексика енисейских рунических надписей (стела из Суджи), возникновение храмов в эпоху Уйгурского каганата (введшего у себя манихейство с 763 года), их строительные особенности, знакомые по уйгурским крепостям (наклонность поверхности стен, 2–3 тычковые ряды кладки, столбовые конструкции ворот) и по согдийской культовой архитектуре (формат кирпича, платформы, пандусы, тамбурные двери и др.), а также состав керамических находок, со-

державших вместе с местными согдийские и уйгурские формы.

Однако археологически изученных манихейских храмов попросту не оказалось. Поиск изменил направленность. К середине 1990 годов Л.Р. Кызласовым, объединившим описания сабейских святынь, составленные ал-Масуди (ум. в 956 г.), аш-Шахри-стани (ум. в 1116 г.) и ад-Димешки (XIV в.), была определена принадлежность раскопанных им храмов к древней переднеазиатской астрологической традиции, связывавшей архитектурную и планировочную форму храмов с поклонением определенным космическим телам и явлениям. Согласно средневековым описаниям, раскопанные в двух древнехакасских городах храмы оказались посвящены божественной Первопричине и Миропорядку, Марсу, Солнцу, Луне, Воздуху и Огню [Кызласов, 1998а].

В результате проведенных в Хакасии раскопок и их исторического осмысления было сделано одно из крупнейших открытий в современном отечественном востоковедении. Л.Р. Кызласовым не только впервые было археологически доказано существование древнехакасских городов, но и многовекового распространения в ранне-средневековой Сибири манихейской религии – одного из наиболее книжных и энциклопедических мировоззрений того времени. Было выявлено также, что северные манихейцы сохранили то символическое отношение к внешности храмов, которое они получили в наследство от своих предшественников-звездопоклонников. Весьма существенно, что два обнаруженных религиозных центра действовали на Среднем Енисее в течение многих веков. Этими открытиями в восприятии ранней истории Южной Сибири была попросту произведена культурная революция [Кызласов, 2001б].

* * *

Остается отметить, что, прекратив вести полевые работы, Л.Р. Кызласов обратился к истокам и дорусской истории сибирского градостроительства, подготовив и издав на эту тему не только статьи (особо отмечу: 1998б, 1999б), но и две разных по роду обработанных источников книги: «Письменные известия о древних городах Сибири» (М.: Изд-во МГУ, 1992) и «Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири» (М.: «Восточная литература» РАН, 2001). В одной монографии свод раннесредневековых данных впервые был дополнен подробным обобщающим анализом, относящихся к теме русских источников позднего средневековья. В другой, также впервые, были изданы и подробно проанализированы археологические и историко-архитектурные материалы, полученные В.П. Левашевой, С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой в 1940–1941 и 1945–1946 годах при раскопках здания I века до н.э. близ г. Абакана, равно как и связанные с уникальным объектом исторические свидетельства ханьской эпохи. Последней прижизненной книгой ученого также стал том, посвященный обсуждаемой теме, «Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования» (М.: «Восточная литература» РАН, 2006.). На его страницах представлена впервые созданная генерализованная линия единого процесса возникновения и развития городов огромной части евразийского континента. От локальных общинных центров города Срединной и Северной Азии прошли путь до средоточия вселенской культуры.

Если подытожить приемы поиска и изучения городов Срединной Азии, применявшиеся Л.Р. Кызласовым, то перечень получится скучноватым и, казалось бы, вполне

ЛИТЕРАТУРА

ожидаемым – тщательное предваряющее и сопутствующее полевым работам изучение: политической и культурной истории края, результатов его обследования предшественниками (включая архивные данные), исследование происходящих отсюда музейных коллекций, выделение ключевых для развития региона земель. Для экспедиционных работ неизменно избирались наиболее значимые памятники и наиболее полно характеризующие их объекты. В большинстве случаев эти памятники отыскивались самим Л.Р. Кызласовым, исходившим не из наличных древностей, а из закономерностей развития культуры. Осознавались поисковые признаки объектов, начиная от их ландшафтных особенностей. Ни один из городов не изучался изолированно, для его понимания обследовалась не только вся округа, но и, по возможности, другие мертвые города того же культурного круга и той же эпохи.

За этим сжатым перечнем приемов и методик стоит живое дело, стоят основанные на понимании источников интуиция и широта профессионального мышления, способность им следовать вопреки научным стереотипам, мужество работать в одиночку, преодолевая непонимание и противодействие даже братьев по цеху. Показательно, что если труды одного человека, по сути, заложили основы городской археологии Южной Сибири, то за прошедшую половину века в Хакасии и Туве никто другой больше не нашел ни единого древнего города: ни гуннского или уйгурского, ни монгольского или древнехакасского. Не нашел хотя бы случайно – при весьма масштабных, интенсивных и хорошо обеспеченных экспедиционных работах.

Кто ищет, находит. И один в поле воин.

Архипов Н.Д. Выдающийся сын земли Сибирской. М., 1999. С. 77–82: Экспедиционные исследования профессора Л.Р. Кызласова.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА, 1958. № 4.

Кызласов Л.Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953–54 гг. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1957. Вып. XXVI.

Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА, 1958, № 3.

Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа) // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М., 1959а. Т. 3.

Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Абакан, 1959б. Вып. VII.

Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–54 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М., 1959в. Т. 2.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА, 1959г, № 3.

Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА, 1963, № 2.

Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ, серия IX, история, 1964а, № 4.

Кызласов Л.Р. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964б.

Кызласов Л.Р. Городище Дён-Терек // Киселёв С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я., Левашёва В.П. Древнемонгольские города. М., 1965.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов Л.Р. Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета, 1998а, серия 8, история, № 3.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // Татарская археология, Казань, 1998б, № 2 (3).

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА, 1999а, № 2.

Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (бронзовый и ранний железный век) // Вестник Московского университета, 1999б, серия 8, история, № 3.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001а.

Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение, 2001б, № 5.

Кызласов Л.Р. Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на Верхнем Енисее // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. № 8. Горно-Алтайск, 2002.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006.

Кызласов Л.Р. Два Ак-Бешимских сюжета // РА, 2008, № 2.

Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим в 1953–54 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М.–Л., 1958. Т. XVI.

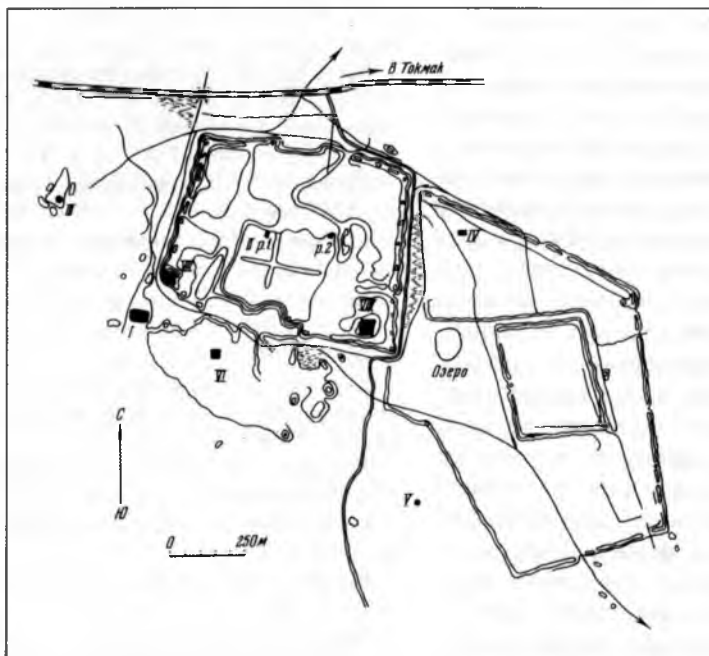

Рис. 1. Городище Ак-Бешим. Раскопанные объекты:
I-V – Л.Р. Кызласовым, VI – Л.П. Зяблиным,
VII-VIII – Г.Л. Семеновым и К.И. Ташбаевой.

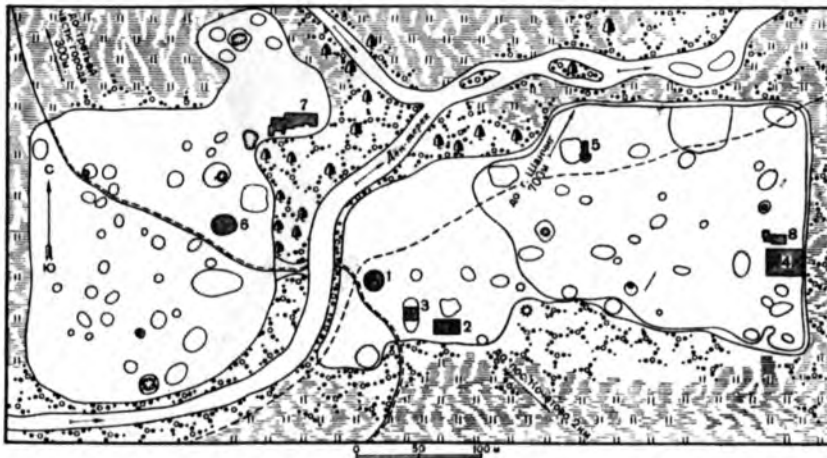

Рис. 2. План основной части городища Дён-Терек.
Заштрихованы раскопанные объекты.

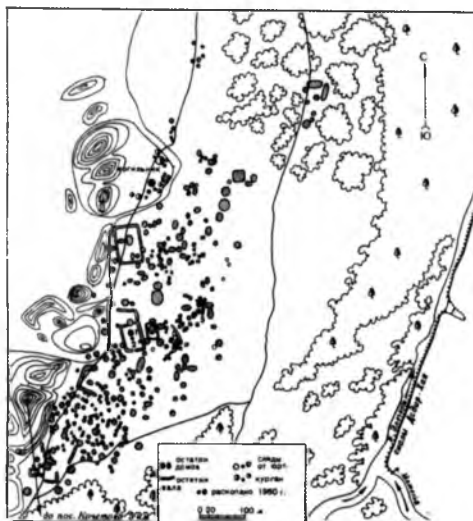

Рис. 3. План Межегейского городища.

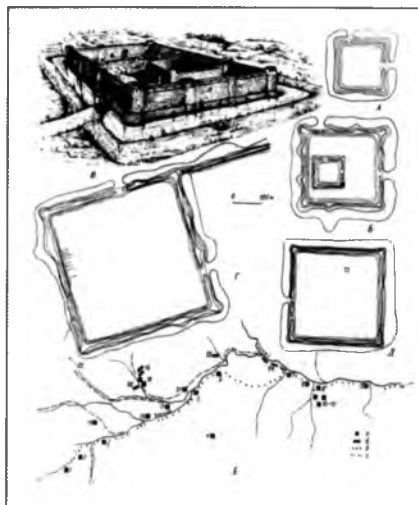

Рис. 4. Уйгурские крепости Тувы: А, Б, Г, Д – планы IV, III, I и II Шагонарских городищ; В – реконструкция III Шагонарского городища, Е – расположение пограничных укреплений древних уйгуров (1-13, 15-17, 19, 21) и хакасов (14, 18, 20, 22-24). а – глинобитные крепости, б – каменные стены, в – длинные глинобитные стены, г – начало троп через Саяны.

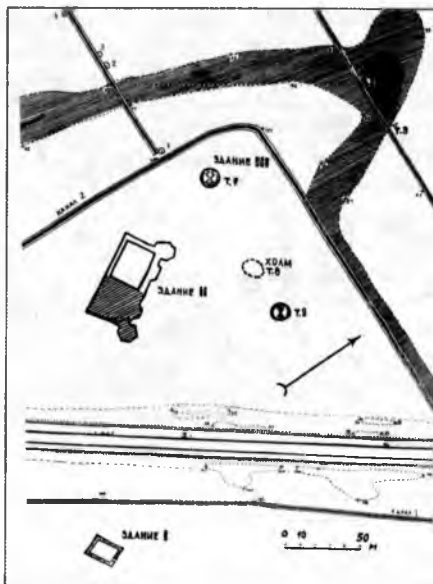

Рис. 5. Размещение изученных объектов Уйбатского города близ шоссе Абакан – Аскиз. Современная оросительная сеть и трасса древнего канала.

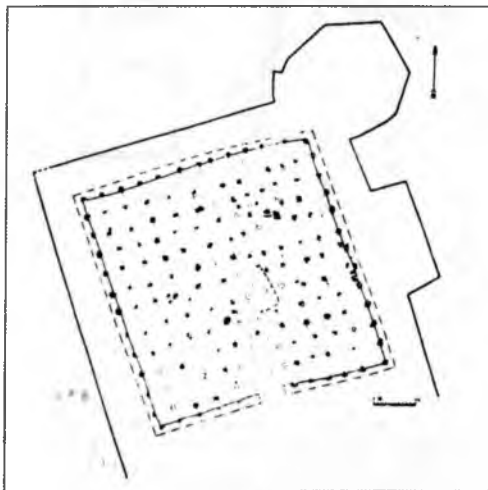

Рис. 6. Уйбатский город. План храма Солнца и контуров внешних пристроек (храмов Луны и Воздуха).

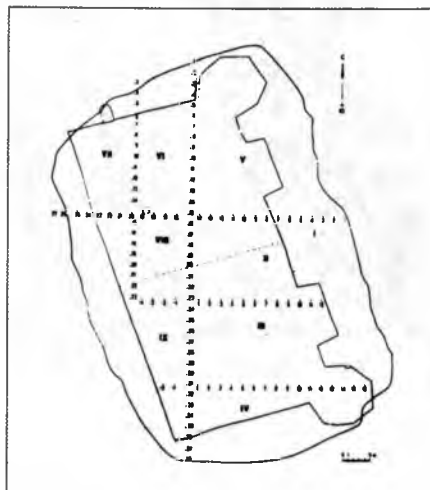

Рис. 7. Уйбатский город. Обиций абрис храмово-монастырского комплекса. Расположение бровок и нумерация раскопов.

Содержание

<i>К выходу первого выпуска</i>	4
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА	
<i>Кудряшов Ю.</i> Визитная карточка столицы Хакасии.....	5
<i>Иванченко В.</i> В рудных отрогах Кузнецкого Алатау.....	9
<i>Бутанаев В.</i> Историческая топонимика Хакасско-Минусинского края	13
<i>Шекшеев А.</i> Повседневная жизнь хакасов в 1916–1919 годах по русским газетным источникам	25
<i>Рыбаков Н.</i> Запечатлённое былое. Аал Ошколь в фотографиях	34
<i>Пряткина И.</i> Соломенный стан в истории Бейского района. Деревенька исчезла, но люди остались	36
<i>Кончакова М.</i> Воспоминания из детства.....	40
<i>Филиппов В.</i> Памятник летчикам в Черногорске – погибшим далеко от фронта.....	44
ИМЕНА ОТЕЧЕСТВА	
<i>Анненко А.</i> Его ценил Рерих	49
<i>Махно Ю.</i> Жизненный путь и творчество хакасского журналиста Ивана Барашкова-Эпчелея.....	53
<i>Козловский А.</i> Летопись великого подвига	69
РАЗЫСКАНИЯ АРХЕОЛОГОВ	
<i>Кызласов И.</i> Опыт Л.Р. Кызласова в отыскании и изучении городов Срединной Азии	71
<i>Таштандинов И.</i> Отчет об археологическом надзоре реконструкции Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова со строительством пристройки регионального отделения Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина	89
ЭТНОСФЕРА	
<i>Бутанаев В.</i> Мои первые этнографические хождения	90
<i>Косицкая И.</i> Мои корни.....	93
<i>Иванова Э.</i> История одной семейной реликвии.....	97

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

<i>Зубков В.</i> Пионер научного изучения Южной Сибири – Даниэль Готтлиб Мессершмидт	99
<i>Винтер Э., Фигуровский Н.</i> Введение к путевым дневникам Д.Г. Мессершмидта	103
<i>Аева М.</i> «Вольнолюбивый поэт» и «неблагонадёжный чиновник» Александр Кузьмич Кузьмин	117
<i>Адрианов А.</i> Айран в жизни минусинского инородца	125
<i>Райс В., Прокопьева Е.</i> Архивные документы Национального архива Республики Хакасия как источник изучения родного края	131

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Бутанаева И.</i> Своеобразие духовной культуры хакасов	135
<i>Ниссен Л.</i> Представление о песенном творчестве в тахпахах в 1940–1950 гг.	142

КУЛЬТУРА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Сунчугашева К.</i> Первая хакасская опера «Чанар-Хус»	145
<i>Жернакова О.</i> «Ай Мирген»: ожившая легенда	148

МУЗЕЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Еремин Л.</i> Хакасский «музейный феномен»	154
---	-----

ПРИРОДА РОДНОЙ ЗЕМЛИ

<i>Ким Е.</i> Заповедник «Хакасский»	163
--	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРАЕВЕДА

<i>Сунчугашева О.</i> Новинки краеведения	166
---	-----

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Гордеев Ю.</i> Хакасия: стихи	168
--	-----

ВЕСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ.....

<i>Сведения об авторах</i>	172
<i>Список иллюстраций вкладыша</i>	174